

НАША СТРАНА

Год издания 76-й. Буэнос Айрес, 6 января 2024

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 6 de enero de 2024

No 3213

РОЖДЕСТВО БЕЗ ХРИСТА: СКАЗКА ЗАМЕНИЛА ВЕРУ

Разные народы по-разному празднуют Рождество Христово. Для иных из них серьёзную роль ещё до сих пор играет религиозная суть и аспект праздника.

Однако, увы, для большинства Рождество Христово - это только Сказка. Раздающие подарки фигуры, такие как Санта-Клаус, Папа Нозль или Дед Мороз, заслоняют собой Богомладенца, и почти всюду Рождество Христово воспринимается исключительно в качестве Сказки для детей и взрослых.

Политика средств массовой информации тоже руководствуется пониманием Рождества Христова как Сказки. На телевизионных каналах иногда можно найти и трансляции проповедей из церквей и костёлов, и дебаты о вопросах веры, но преобладают в программе сказки.

В рождественский период телевидение и кино предлагают зрителю фильмы с моралью и со счастливым концом, однако тотальное господство принадлежит сказкам. И сказки слишком часто не имеют с религиозным посланием Рождества Христова ничего общего.

Разумеется, тому есть много объяснений, и самое простое из них заключается в том, что люди полностью отдали Рождество детям.

А что касается бывших коммунистических стран может быть в них сохранился менталитет, выработанный до падения безбожного Советского Союза, когда подчёркивание сказочных черт Рождества было способом, позволяющим сохранить его трансцендентальный, сверхъестественный характер в обществе, официально бывшим атеистическим, и преследующим верующих, отмечавших свои празднества.

Телевизионные и кино-сказки, которыми нас бомбят каждый год, представляют собой отдельную главу "Сказочного Рождества". Они не имеют ничего общего не только с верой, но и с теми идеалами любви и добра, которые олицетворяет Рождество Христово.

Кроме того, в этих сказках всё время обыгрывается несколько базовых стереотипов.

Например, плебейский рубаха-парень, который

хитроумно завоёвывает сердце какой-нибудь принцессы. Беспомощный король. И, конечно же, коварные советники, обворовывающие доброго короля и простой народ.

Эти сказки ходят по зачарованному кругу. Если в них можно найти некое развитие, то это появление «феминистических» принцесс. Что само по себе знаменательно, ибо свидетельствует о том, что прогрессисты пытаются изменить наше традиционное восприятие роли женщин в обществе.

Но самое значительное - это фигуры чёрта и других сверхъестественных отрицательных существ.

Сегодня, в уже пост-христианском мире, чёрт - отнюдь не олицетворение Зла, не дьявол, с которым нужно бороться. Скорее это олицетворение суетливости и особой глупости. Черти в таких сказках - ребячливые создания. Если они и затевают что-нибудь дьявольское, то напарываются на добродушного пастушка, который принципиально не воспринимает их всерьёз и всегда побеждает.

Однако весьма подобно и сказочное понимание Неба.

Ангелы и другие небесные создания в сих сказках часто бывают комическими фигурами.

Вертикаль, которая в более религиозных обществах делала Рай и Ад серьёзными вещами, ибо речь идёт о борьбе Добра со Злом в высшем смысле слова, - в них полностью отсутствует. Кажется, они не дифференцированы не только в сегодняшних сказках, но и в сегодняшней обычной жизни. Поэтому, когда какой-нибудь писатель или политик всерьёз говорит, что Правда и Любовь побеждают, его сразу же отвергают, как компонент сказочного кича.

Предельным воплощением кощунственно-сказочного представления о Небесах можно считать чешский фильм «Ангел Господень». Пресвятая Дева Мария печёт ко дню рождения Младенца рождественское печенье, а ангелы репетируют для него хоровое пение. Чёрт чертыхается, а Господь Бог восклицает «Господи Боже!»

А. Босоволков

АНТИСОВЕТЧИКИ, СОВЕТЧИКИ И РУССКИЙ ПАТРИОТИЗМ

Некоторые терминологические очевидности. Попробуем рассуждать максимально нейтрально, без всяких идеологических коннотаций. Если есть «антисоветчики», то, конечно же, должны же существовать и «советчики»? По нормам русского языка. Иначе ведь определение «антисоветчики» обесмысливается. Их, советчиков, можно назвать ещё и советскими патриотами (совпатриотами).

Какое отношение советчики имеют к русскому патриотизму? Вообще-то понятие патриотизма изначально было под большим подозрением у наших интернационал-социалистов.

Под патриотическими лозунгами - за Россию - против мирового Интернационала, передовой отряд которого оказался волею судеб в Российской Империи, сражалась Белая Гвардия. А Красная Армия, во главе с её создателем Львом Троцким, изначально заботилась о «мире во всём мире» (излишне здесь конкретизировать, что именно хотелось получить в этом «всём мире»). Поэтому вот он, портрет советчика.

Излишне говорить, как именно Лев Троцкий относился к русскому патриотизму. Прочтите, например, его статью «Юбилей позора нашего: 1612-1912», опубликованную в «Правда» (в Вене) в том же 1912. Там и о мощах св. Серафима Саровского, и о многом другом. Шендеровичу с Латыниной (а также Семину с Кургиняном) нужно ещё учиться и учиться у товарища Троцкого правильному градусу ненависти к исторической России.

Товарищ Ленин также никогда не жаловал никакого русского патриотизма. И прямо-таки ненавидел «истинно русского человека», который, согласно Ленину, непременно был великороссом-шовинистом, подлецом и насильником.

Революция именно что сражалась против русского патриотизма, по словам Ленина. А что советская власть опирается на незначительное меньшинство, это «Ильич» писал открытым текстом. Поэтому «освобождённое» большинство для начала разоружили. Буквально: отняли оружие. И до сих пор,

замечу, этому большинству возвращать оружие не собираются.

Советчики-ленинцы (последовательные интернационал-социалисты), которых, как можно понять, подавляющее большинство из тех, кто позиционирует себя в РФ в качестве «либералов», обнаружив специфическое отношение к русской истории как таковой, только лишь вернулись к своим «корням».

Как их осуждать за это? Им и раньше-то мерещился в сталинском «социализме в одной стране» прямо-таки возврат к проклятой, навсегда проклятой исторической России. Не для того революцию делали и мировой пожар раздували, чтобы в этой России застрять. Некоторые, впрочем, удачно вырвались, осев в посольствах, полпредствах и торгпредствах (советских) по всему миру.

Сталинисты представляют собой другой вариант советчиков. Российская история была приспособлена для обслуживания идеологии советизма, не отброшена вовсе, как у «пламенных революционеров», но присвоена «для своих нужд». Однако и в поздних советских учебниках «наша» история начиналась с Государства Урарту, а вовсе не с Киевской Руси. Не буду здесь обсуждать, что «лучше»: вовсе не преподавать русскую историю, как это было в первые 15 лет совласти, либо же преподавать её так, что «наши» — это те, кто курочили Российскую Империю и приближали, как могли, её конец.

Русофобами могут быть (и являются) как советчики, так и антисоветчики. Поэтому сами эти обозначения — «антисоветчик» (как и «советчик») — для русского патриота совершенно нейтральны.

Русская история не сводится к нескольким десятилетиям советской власти, законодательно уничтожившей всякое преемство с исторической Россией, в итоге же, помимо миллионов русских жизней, еще и отнявших у русского народа его исторические территории, превративших его в самой большой разделённый народ Европы. Антисоветчик, который уравнивает советские десятилетия с предыдущими периодами русской истории (под девизом: «да у вас тут всегда всё было так!»), может быть не меньшим, а большим русофобом, чем классический советчик. А Иван Ильин (со Шмелёвым) — просто русские патриоты, патриоты России.

Однако ведущий идеологический посыл мы все уловили: «наше» это все-таки не русское, а советское. Понимаем-с. Иначе бы палач Войков с поделщиками не красовались на карте Москвы.

Проф. Иван Есаулов

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ И НОВЫМ ГОДОМ!

А. Ренников

Файф-о-клок у мадам Ципкиной

— Господа, а кто из вас был на заседании поэтов относительно смертной казни? — Я не был. — И я не могла. Так хотелось послушать Федотова, как он будет защищать расстрелянных коммунистов с точки зрения религиозно-философской, — и неожиданно помешала портниха. — Жаль, жаль. Ведь то, что делается теперь в советской России, действительно всех поражает. О чем думает Сталин? Разумеется, мы все, старые либералы, не одобряем его противников, в виду опасности со стороны Гитлера. Но он сам... На кого думает он опираться, если расстреляет всех своих товарищей? Сидевший в углу и молча куривший одесский присяжный поверенный угрожающе откашлялся. Это значило, что он начнет сейчас говорить. — По моему, господа, весь этот троцкизм вообще фигли-мигли, — произнес многозначительно он. — А вот общее положение в России оно, в самом деле, гораздо более угрожающее, чем многие думают. Хотите верьте, хотите нет, но я лично уверен, что Сталин так думает, в конце концов, короноваться. — То есть как это? — Короноваться? — Ещё что! Все всполошились. Кое кто побледнел. — Да, да. Увидите сами. Тайная цель Сталина, господа, ясна как мармелад. К чему он идет? Он идет к тому, что постепенно ликвидирует всех крупных коммунистов, даже Кагановича, оставив около себя Ворошилова, Буденного, подстроит так, что красная армия провозгласит его императором... И венчается на царство как самый обыкновенный абсолютный монарх. — Не может быть! — Ой! — Что? — Да, да. Подождите, тогда будете говорить: ой! По официальной версии считается, конечно, что он расстрелял последнюю группу троцкистов за сношения с Германией. Но я уверен, что в тайных сношениях с Германией, наоборот, находится он сам, а совсем не троцкисты. Не даром он разрешил елку. Связь его с Гитлером вообще для меня — дважды два. А став императором, он объявит новую ориентацию, заключит союз с Германией — и вот тогда-то общеевропейская война и начнется. Гитлер уступит Сталину Польшу, Чехословакию, Балканы, сам займет Западную Европу. И, в конце концов, весь мир окажется в руках только двух императоров. — Позвольте... Но Гитлер же не император? — Что-ж такого? Тоже коронуется. Трудное дело! — Боже мой... Как это ужасно... — мадам Ципкина дрожащими руками стала разливать чай. — Господа, если в России будет восстановлена монархия, имейте в виду — я туда ни за что не поеду. И Соломона не пущу. Соломончик, ты как? Неужели поедешь? — Я вообще туда не поеду. И при республике тоже. — Позвольте, Яков Михайлович. Вы говорите — оба императора разделят Европу пополам. Так. Но Англия? Ведь Англия существует? Что же будет тогда делать Англия? — Что будет делать Англия? Ясно, что будет делать: готовиться. За столом некоторое время царил молчок. Кое кто тяжело вздыхал. — Нет, это невыносимо, наконец, — с ноткой страдания в голосе заго-

ворила вдруг одна курносая русская дама. — Ведь, нужно же мне было родиться в такое ужасное время! Вы подумайте: у нас двадцатый век, прекрасные мезон де кутюр, джаз, радио... А вокруг все друг друга расстреливают! В Москве стреляют, в Испании стреляют, в Булонском лесу подкалывают. Разве это подходящая эпоха для культурного человека с запросами? Нет, не знаю, как другие, но я бы хотела жить в России сто лет назад. Гораздо лучше было бы! — При императоре Николае Павловиче? Хо-хо! — мрачно рассмеялся присяжный поверенный. — Не поздравляю с таким приятным режимом! — Ну, хорошо. Тогда раньше, например, при Екатерине Великой, что ли. Когда был патриарх Никон. — Патриарх Никон? Так патриарх Никон жил значительно раньше! — Всё равно. Не придирайтесь, пожалуйста. Если бы я могла жить раньше, то Никон мог бы жить позже. Но, господа, вот я скажу про себя. Что со мной сделал двадцатый век? По натуре — все, кто знали меня, помнят — какая я была тонкая. Сострадательная. Мухи не могла обидеть. При виде крови падала в обморок. Ну, а теперь? Теперь я совершенно окостенела. Ведь разве мне не следовало бы страдать при виде фотографий с наводнениями в Америке? Разве не должна была бы я плакать? А я смотрю, кое как жалею, а слез настоящих нет. Не идут! Разве это нормально? Хотя я и радикалка и республиканка, но события совершенно запутали все мои чувства! Возьмите хотя бы убийство Навашина. Прочла я в газете об этом — хотела искренно пожалеть человека, уже чуть не прослезилась. А муж, вдруг, говорит: «не жалей, брось, это агент большевиков». Перестала я жалеть, вытерла глаза, а приходит неожиданно Дмитрий Иванович и говорит: «Жалейте, жалейте, его безусловно сами большевики и убили». Что же мне делать? Жалеть или не жалеть? Как узнать? Да и разве так вообще можно жить? Нет, честное слово, если бы мне попались в руки все эти — Сталин, генерал Франко, Гитлер или Муссолини, я бы знала, как отомстить им за то, что они губят мою нежность души. Я бы их сама лично тут же немедленно разрезала ножницами на самые мелкие кусочки! Вот!

«Возрождение» (Париж), рубрика «Маленький фельетон», 13 февраля 1937, № 4065, с. 4.; также перепечатано: «Россия» (Нью-Йорк), 17 марта 1937, № 763, с. 2.

Андрей Ренников (1882-1957)

“ГИГАНТ ДИПЛОМАТИИ” И ЕГО ДОГОВОРЫ СО ЗЛОМ

В многочисленных некрологах, посвященных памяти бывшего государственного секретаря США Генри Киссингера, самое пространное определение — «гигант дипломатии». Киссингер и в самом деле на протяжении всей многолетней политической и экспертной карьеры достигал таких вершин, до которых можно добраться не каждому главе государства, не то что министру иностранных дел. И был неутомим в защите своих политических подходов: уже столетним старцем летал в Китай и встречался с Си Цзиньпином, проводя таким образом четкую прямую от своих — и президента Ричарда Никсона — переговоров с Мао Цзэдуном. Этот последний визит Киссингера стал очевидной иллюстрацией главного принципа его дипломатии — это искусство найти общий язык со злом. Вы можете стать борцом со злом, рыцарем в сверкающих доспехах. Или можете стать факиром, пытающимся укротить кобру. Киссингер пошел по второму пути. И он был совершенно и непоколебимо уверен, что единственный возможный путь избавиться от зла — это договориться с ним. Казалось, урок Вьетнама должен был навсегда отрезать бывшего государственного секретаря. Окончание вьетнамской войны стало его главным политическим триумфом. Но сейчас мало кто помнит, что соглашению Киссингера и коммуниста Ле Дык Тхо, за которое оба получили Нобелевскую премию мира, зиждилось на прекращении огня и сохранении статус-кво. И разумеется, коммунистический Северный Вьетнам при поддержке Советского Союза и маоистского Китая немедленно нарушил эти договоренности и оккупировал

Южный Вьетнам. Киссингер, разумеется, негодовал и был готов вернуть свою Нобелевскую премию (предусмотрительный догматик Ле Дык Тхо, который точно знал, чем всё окончится, изначально от неё отказался). Но Сайгон-то не вернешь, как не вернешь судьбы всем тем миллионам людей, которые надеялись не попасть под власть коммунистической диктатуры.

И как бы ни объясняли историки будущего ситуацию «усталостью» американского общества от войны и неэффективностью руководства Южного Вьетнама, факт остается фактом: вьетнамские коммунисты обманули Киссингера, который верил, что с ними можно договориться. Что не помешало ему всю жизнь гордиться тем, что он затащил Никсона в Пекин...

И в результате все мы живём в мире, сконструированном Киссингером, — мире, в котором добро должно обязательно договориться со злом, а зло будет наверняка соблюдать свои обязательства, — на то оно и зло.

С каждым новым днём жизни в этом неудобном мире мы всё больше и больше убеждаемся, что со злом на самом деле договориться не удастся, что оно нас обязательно обманет, а если получится — уничтожит, сколько ему ни улыбайся за столом переговоров. И мы, как маленькие дети, брошенные мудрым дедушкой, оглядываемся по сторонам, чтобы понять, где же рванёт в следующий раз и не обрушится ли крыша горящего дома на наши собственные головы.

Ближний Восток? Южный Кавказ? Тайвань? Корейский полуостров? Латинская Америка? Молдавия?

Вот только инструкции о том, как вести себя в мире, в котором нельзя договориться со злом, мудрый дедушка нам не оставил.

П. Савельев

ЗАПРЕТИЛИ ФАНДОРИНА

Книгоиздание в РФ закончилось, что было предсказуемо, поздравляем всех, кто ещё успел что-то там издать после 24 февраля 2022 года. Теперь будет снова коллективный Госиздат. В издательство "Захаров", выпустившее книги Бориса Акунина об Эрасте Фандорине, пришли с обыском из Следственного Комитета. Накануне писателя внесли в список экстремистов и террористов и возбудили против него уголовные дела. Здесь не просто расправа с неудобным писателем, а знаковое явление для всей сферы культуры. Это окончательное закрытие официального рынка РФ для всех писателей, артистов, художников, кто не желает поддерживать Путина. Акунин — автор-рекордсмен, его книги продавались тиражами в десятки миллионов экземпляров. Если он объявляется террористом, а его тексты фактически запрещаются, то это не просто сигнал для всех, кто занимается книгами, театрами, концертами, съемками. Это сигналы. Понятно, что сфера и так давно цензурируется, цензуры отменяются, артисты запрещаются. Но дело Акунина должно стать контрольным выстрелом для этого мира. Причём сразу из пушки. Всех шокировала новость про объявление Акунина террористом и про обыск в издательстве, которое его раскрутило.

Главный культурный образ в произведениях Акунина — Фандорин, он за спасение Российской Империи, он настоящий государственный.

Государственный, причём неподкупный, а значит, является полной противоположностью путинской коррумпированной элите, которая к тому же совершает национальное предательство. Тащит страну из европейской колеи, проложенной Царями Дома Романовых, в болото зависимой от восточных деспотов (и платящих им налоги и подношения) не слишком развитой страны с ошибочным самонаимением по поводу своей "миссии", и войнами со всеми соседями по очереди, не дающими населению не то что "встать с колен", но и трубу поставить в своей курной избе.

Да, такой деспотии Фандорины не нужны — поскольку они не рабы, а люди, служащие государству на основе принципов и чести.

Ф. Сергеев

Новая цена
годовой
подписки на
"Нашу Страну"
в Аргентине -
6000 песо

НЕВЕЖЕСТВО КИССИНГЕРА

В Кремле отреагировали на смерть бывшего государственного секретаря США Генри Киссингера подчеркнуто уважительно. Путин направил соболезнования вдове, а его пресс-секретарь рассказал о многочисленных встречах Путина и Киссингера, особо отметив, что в ходе этих встреч они вели очень глубокие разговоры о российско-американских отношениях. Путин, по словам Пескова, ценил "мудрость, феноменальный дипломатический талант" своего собеседника.

Однако образ Киссингера как человека понимающего позицию Путина, традиционно предлагаемый Москвой, имеет мало отношения к реальности. Интересно, например, что в обширной подборке его высказываний подготовленной проектом Russia Matters при Гарвардском университете, нет ни одного, где бы Киссингер говорил о признании РФ как гегемона на бывшем советском пространстве.

Но известны его заявления сделанные ещё в 1992 году, задолго до путинской эпохи, с предупреждениями об опасности "российского гегемонизма" для Восточной Европы и о необходимости противостоять попыткам Москвы вернуть бывшие советские республики.

В своих взглядах на РФ Киссингер исходил из своей любимой концепции баланса сил, на которой, как он писал в книге "Дипломатия", зиждились международные отношения в течение нескольких столетий.

С его точки зрения, РФ была важным элементом этой глобальной системы противоборств. Он называл её "травмированной страной", находящейся в поиске своей идентичности, которой необходимо чувствовать свою значимость, и многие из его высказываний выглядят как попытки польстить Путину.

Но выглядит ли сегодня актуальным главный тезис Киссингера о РФ как ключевом элементе международного баланса? Нет, это было актуально во времена Холодной Войны, а после неё ситуация сильно изменилась. Прежнего баланса сил не существует, РФ не имеет былого значения, просто потому что США стали гораздо сильнее. Может быть, при Путине сила РФ значительнее, чем в 90-х годах. Но понятно, что Китай уже самый могучий соперник США, а не РФ, утратившая статус великой державы. В прошлом, во время Холодной Войны, были две великие державы – США и Советский Союз. Но теперь Китай великая держава или почти великая. А Российская Федерация – нет.

Киссингер был за расширение НАТО, хотя поначалу был против приёма Киева в НАТО. Решение Путина напасть на Украину не было основано на оппозиции расширению НАТО. Это можно назвать экспансионистской войной, а не реакцией на действия западных стран. И при Путине, примирение

невозможно. До его ухода, до его смерти. Он не хочет хороших отношений с Западом. Он хочет возвращения Холодной Войны.

Что хотел Киссингер? Он хотел анализировать РФ по общепринятым критериям, которые неприложимы к СССР и РФ. Кстати, он рекомендовал не принимать Солженицына в Белом Доме, не хотел признать символического значения этого человека как борца с тоталитарным режимом. Вообще не понимал сущность идеологической борьбы. И не понимал, что Кремль не действовал исключительно на базе баланса сил, но всегда старался манипулировать психологически и камуфлировать свои намерения.

У него был поверхностный взгляд на Россию. И именно это лежало в основе откровенной приязни, которую испытывали в Кремле к Киссингеру и в советские, и в постсоветские времена. Он не понимал – или не хотел понимать – кто руководят в СССР и РФ и какие преступления они совершают.

У него отсутствовало понимание криминального характера советского и постсоветского режимов.

Страдал от дефицита знания, что руководства СССР и РФ одинаково агрессивны и безразличны к человеческим жертвам. Если человек смотрит на такой режим через розовые очки, он не увидит самое важное.

О Путине, с которым он многократно встречался, Киссингер писал чушь, что это персонаж из Достоевского, у которого мистическая вера в русскую историю, который в духе русских правителей чувствует угрозу России, исходящую извне, в том числе и в результате расширения НАТО на восток.

Эту фразу о персонаже из Достоевского все повторяют. Но какой персонаж на самом деле? Из "Бесов" или из "Братьев Карамазовых". Путин довольно простой человек, как те, кто хочет грабить без ограничений. Когда существовало полное отсутствие правил, как это было в 90-х годах, люди, которые вышли из советчины, из КГБ, работали этот тип полного цинизма, полной безнравственности. Самые удачливые из них пришли к власти, сейчас они используют население в своих целях. Их главная цель – обогащение и самосохранение.

Когда Киссингер так говорил, он показывал своё полное невежество.

У Киссингера был типично западный менталитет: мы будем договариваться, потому что они имеют свои интересы, а мы имеем свои. На Западе психологически не способны понять уровень цинизма и агрессивности, которые существуют у властей РФ.

Перед Россией стоит довольно чёткий выбор: либо подчинение Красному Китаю, либо восстановление связей с Западом.

Д. Карамышев

А. М. Капитоненков
Независимый исследователь

Аграрная модернизация Столыпина: правда против стереотипов

Вопрос о столыпинской аграрной реформе является одним из наиболее спорных вопросов русской истории. Диапазон оценок варьируется от крайне негативных до восторженно-апологетических.

Как ни парадоксально, но зачастую на основании одного и того же статистического материала, сторонники реформы констатируют ее несомненный успех, а противники – полный провал. Подобная непростая историографическая ситуация порождена, главным образом, стереотипными представлениями, которые прочно укоренились в массовом сознании, проникли в научную литературу, школьные и вузовские учебники.

В советской историографии безусловное господство получил тезис о «крахе» столыпинской аграрной реформы. В качестве неоспоримого доказательства «краха», приводились данные, наиболее легко воспринимавшиеся общественным сознанием, согласно которым, из общины, несмотря на все старания правительства, вышла примерно только четвертая часть крестьян.

Между тем, Пётр Аркадьевич Столыпин не ставил целью повсеместное упразднение общины, последовательно высказываясь за сохранение различных форм крестьянского землевладения и землепользования. Аграрный курс П. А. Столыпина не являлся бескомпромиссной атакой на общину, безоглядно ломавшей привычные устои русской деревни.

Достаточно сказать, что уже в ближайшие месяцы после принятия закона 14 июня 1910 года Министерство Внутренних Дел выпустило целый ряд распорядительных актов, существенно ограничивших действие закона в интересах общины. Учитывались мнения и пожелания самих крестьян. Очень часто, по их просьбе, землеустроительные комиссии проводили разверстание только пахотной земли, с оставлением остальных угодий в общем пользовании.

Реформатор не спешил провести реформу в кратчайшие сроки. Само по себе увеличение количества вышедших на хутора и отруба крестьян не было самоцелью реформы. Насильно из общины никто не выгонялся, крестьянам предоставлялась полная свобода в выборе формы землепользования.

Как справедливо указывает исто-

рик М. А. Давыдов, столыпинская аграрная реформа, «...относилась к числу тех редчайших в истории России реформ, когда население получало право выбора, когда у крестьян, по существу, спрашивали – хотят они или не хотят менять привычный образ жизни».

Главный аспект в реформировании заключался не в количестве хуторских хозяйств, а в ликвидации коренных недостатков общинного землепользования (чересполосицы, дальнотелье и так далее), и как следствие, в агротехническом прогрессе российской деревни.

В отечественной историографии исследователи как-то заикливаются на статистике укреплений земли в собственность, пытаются представить это в качестве итогового результата преобразований.

Процесс реформирования системы земельных отношений не ограничивался одним укреплением земли в собственность, на что неоднократно указывали и сам П. А. Столыпин, и его соратники.

Так, Главноуправляющий Землеустройством и Земледелием Александр Васильевич Кривошеин, выступая в Государственной Думе в ноябре 1908 года, отмечал:

«Указ 9 ноября – первый шаг в политике поднятия производительности народного труда, только приступ к длинному ряду мероприятий в этом направлении».

В связи с чем, нельзя говорить о провале реформе после 1910 года на основании сокращения числа ходатайств о выходе из общины. Действительно, на данном этапе число выходов из общины стало снижаться, что давало повод критикам реформы утверждать о её провале. Но, вместе с падением числа выходов из общины шёл стремительный рост числа ходатайств о землеустройстве, которое после издания закона 29 мая 1911 года, являлось главным стержнем в реализации реформы, и занимало гораздо более значимое место, чем простое закрепление наделов в личную собственность.

В подавляющем большинстве губерний мы видим прогрессивный рост показателей, и говорить о провале реформе едва ли приходится. Так, в Московской губернии к началу 1912 года было образовано 3263 единоличных владения, в течении 1912 года – 3112, и за полевой период 1913 года – 5287.

Когда мы говорим о падении числа выходов, не следует также забывать и о том, что многие тысячи потенциальных укрепленцев, перешли к индивидуальному владению получив удостоверительные акты на основании закона 14 июня 1910 года.

Следующая претензия к Петру Аркадьевичу Столыпину связана с применением административного нажима и насилия над крестьянами, и является не менее традиционной для отечественной историографии.

Нельзя отрицать, что местные чиновники, в погоне за количественными показателями, прибегали к мерам давления на крестьян, принуждая их подавать заявления о выходе из общины и о землеустройстве. Однако злоупотребления на местах в ходе реформы происходили вопреки указаниям правительства,

и объяснялись, по точному замечанию известного историка В. Г. Тюкавкина, главным образом, некомпетентностью, карьеристскими устремлениями и личными качествами местных чиновников.

Очень важно отметить, что многие из упоминаемых в трудах историков случаи массового силового давления на крестьян приводятся без достаточной доказательной базы, на основании весьма спорных аргументов.

Никакие насильственные действия правительство не замышляло и не поощряло. Историк А. П. Бородин обратил внимание на абсурдность подобных обвинений.

П. А. Столыпин не был заинтересован в применении насилия, имея целью умиротворить страну. С его стороны это было бы нелогично. Принуждение крестьян не только не могло решить эту задачу, но и могло дать обратный эффект.

В принуждении не было никакого смысла ещё и по той причине, что если в отдельных случаях, местные власти и могли выдать из схода положительный приговор, то заставить крестьян сотрудничать с землемерами и землеустроительными комиссиями на дальнейших стадиях землеустройства (а там требовалось именно сотрудничество) и уж тем более принять проект, который их не устраивал, было просто невозможно.

Ещё один немаловажный момент. Если принять во внимание, что более 25% домохозяев заявили о своем желании выйти из общины, и почти половина (47%) ходатайствовали о проведении землеустройства, и при этом около половины всех поступивших прошений не были вовремя удовлетворены органами землеустройства, то становится очевидным, что правительству абсолютно незачем было форсировать ход реформы, прибегая к принудительным мерам. И без того, производство работ значительно отставало от количества ходатайств.

Очень часто из лагеря критиков реформы приходится слышать обвинения в желании правительства, путем издания закона 14 июня 1910 года форсировать переход наделной земли в личную собственность, принудительно упразднить, не считаясь с желанием крестьян, как можно большее количество жизнеспособных общин.

Такая позиция не соответствует действительности, хотя бы уже потому, что правительство категорически отказалось признавать перешедшими к частной собственности те общества, которые не производили переделы в течение 24-х лет предшествующих реформе. Так, экономист и статистик А. Е. Лосицкий, которого никак нельзя назвать апологетом реформы, касаясь степени принудительности закона 14 июня 1910 года, отмечал, что «высказывавшиеся в печати мнения об этой принудительности страдают сильными преувеличениями».

Надо сказать, что страницы дореволюционной печати просто пестрели от критических публикаций и заметок, за достоверность которых, никто, конечно же, не переживал. В условиях острой политической борьбы крайне необходимой и мод-

ной признавалась критика любых начинаний царского правительства, и аграрная реформа не была в этом отношении исключением.

Б. Д. Бруцкус очень точно подметил, что аграрная программа правительства «...была в процессе ожесточенной политической борьбы противопоставлена программе русского передового общества, которое в дополнительном надлении усматривало единое и более или менее исчерпывающее решение аграрного вопроса. В этих условиях она не могла получить сколько-нибудь беспристрастной оценки.

В русской литературе усиленно подчёркивалась несомненная связь реформы с классовыми интересами дворянства, осуждались насильственные приёмы её проведения, отмечались технические дефекты дела, но она мало вникала в исследование народно-хозяйственного значения реформы.

Насильственный и антикрестьянский (как считали советские историки) характер реформы должен был вызвать массовые протесты крестьян. Известный советский историк С. М. Дубровский на основании данных Департамента Полиции (который, безусловно, фиксировал все случаи крестьянских выступлений), привёл статистические подсчёты, которые однозначно свидетельствуют о том, что массовых протестов крестьян против столыпинской аграрной реформы не было.

Так, в общем количестве крестьянских выступлений, протесты непосредственно против реформы были крайне ничтожными в масштабе всего крестьянства (всего 224 за семь лет). Приведенное количество выступлений никак нельзя считать проявлением массового недовольства крестьян проводимой реформой.

В отечественной историографии, особенно советского периода, имела место тенденция к значительному преувеличению масштабов неприятия реформы крестьянским населением.

Между тем, реформа, вопреки распространенному убеждению, не вызвала у крестьян массового отторжения. Крестьянские протесты, в большинстве случаев, были спровоцированы антиправительственной пропагандой, не имели массового характера, и не отражали настроения всего крестьянства. По подсчетам исследователя Н. В. Токарева, в Тамбовской губернии открытое сопротивление проведению правительственной аграрной политики было зафиксировано лишь в 7,3% сельских обществ, охваченных землеустроительными работами.

Более того, в течение полутора лет перед Февральской революцией, полицейская статистика, не зафиксировала ни одного заметного конфликта в губернии на почве землеустройства.

Немалое влияние на настроения крестьян, оказывали ложные слухи, вроде тех, что под видом закона 14 июня 1910 года они снова закрепощаются. Естественно, что на основе ложных слухов, несмотря на всю их абсурдность и нелепость, у крестьян формировались настороженность и недоверие к правительственным начинаниям. О том с каким доверием относились

крестьяне к подобным слухам показывает рассказ ревизора Александровского уезда Екатеринославской губернии:

«Приезжаю в село, говорю с крестьянами и вижу, что явно переменяли свое настроение относительно налаженного уже здесь разверстания. Но толку не могу добиться. Смотрят недоверчиво, говорят неохотно. Между прочим, случайно обращаю внимание на один факт: при разговоре крестьяне не смотрят мне в лицо, а почему-то внимательно рассматривают мои руки.

С п р а ш и в а ю :
- Что вы на моих руках-узоры, что-ли видите?

Молчат, недоверчиво ухмыляются. Наконец пристал к ним вплотную, почувствовал, что здесь что-то кроется. Один крестьянин говорит:

- Неправильно вы все говорите про землю... Прав у вас от Царя нет с нами говорить.

- П о ч е м у ?
- Метки царской на вас нет.

И тут, после долгих расспросов удалось узнать, что в село приходил какой-то беглый матрос, показывал крестьянам татуировку на руке и говорил, что надо верить лишь людям с такой «царской меткой» на руке. У кого же нет метки, тому веры не давать про землю, потому что Царь переметил всех своих слуг по земле, чтобы народ их узнавал». Думается, что комментарии тут излишни.

Другой, не менее важной причиной являлась неосведомленность крестьянского населения об основных положениях реформы. Как свидетельствовал подмосковный крестьянин С. Т. Семенов: «Новый закон известен был плохо, понимали его смутно, приписывали ему свойства, каких в нем не было...».

Одним из заблуждений критиков реформы является утверждение о том, что выход крестьян из общины и укрепление земли в личную собственность повсеместно совершался в принудительном порядке, по постановлениям земских начальников. В советской историографии немало спекулировали этой пресловутой «принудительностью». Между тем, архивные материалы говорят об обратном. В Московской губернии за 1909 год только 21% выделов состоялся без согласия общины, причём, в Бронницком, Подольском, Рузском и Серпуховском уездах все без исключения выделы состоялись в добровольном порядке. Всего же, к началу 1912 года в Московской губернии не менее половины крестьян, ходатайствующих об укреплении земли, получили от общества приговоры.

Надо сказать, что сам факт отрицательных приговоров никого не должен удивлять: и до реформы в ряде мест получить согласие сельского схода на выход из общины было не так-то просто.

Относительно обязательных выделов, отечественная историография, используя этот термин, не поясняя, к сожалению, его смысла. Отсюда некоторая неясность. В законодательных актах периода реформы «обязательность» (термина «принудительность» там нет) означает, что при отсутствии добровольного соглашения между обществом и выделяющимися, выдел

становился обязательным, вопреки воле общества. Но, тут и речи нет о том, что земские начальники насильно заставляли крестьян выходить на хутора и отруба, да и возможности их в этом отношении, были весьма ограничены. Это же не коллективизация, где государство действительно действовало силой и нажимом.

В столыпинском же законодательстве и в практике землеустройства выделы были обставлены существенными процедурными оговорками (привязка ко времени общего передела, согласование с позицией схода и другие), то есть одного желания домохозяина и ходатайства о выделе было недостаточно для немедленного исполнения его воли.

Следует также упомянуть, что согласно Правилам о выделах наделной земли к одним местам от 19 июня 1910 года, даже в тех случаях, когда возможен был обязательный выдел, землеустроители, тем не менее, обязаны были принимать все меры к достижению добровольного соглашения, а при обязательном выделе учитывать пожелания и интересы несогласной на выдел стороны.

О том, для чего нужны были обязательные выделы П. А. Столыпин писал в циркуляре губернаторам от 14 июня 1908 года: «...осуществимость обязательных выделов помимо согласия обществ несомненно сделает последние более уступчивыми и увеличит число добровольных соглашений, а выделенные хуторские и отрубные участки будут иметь показательное значение для тех членов общества, которые, по недостаточному знакомству с способами ведения хозяйства на хуторах и отрубях, ещё не решаются требовать выдела своих участков».

Таким образом, П. А. Столыпин вовсе не собирался в приказном порядке всех крестьян сделать частными землевладельцами. Цели реформы необходимо понимать более широко, а не только, как желание правительства всеми средствами уничтожить общину.

Пётр Аркадьевич Столыпин был непримиримым противником каких-либо принудительных мер, не раз указывая на их недопустимость и незаконность. Подобные меры противоречили основополагающей идеи столыпинского аграрного законодательства, которое не являлось инструментом принудительной ликвидации общины, но обеспечивало крестьянам право добровольного перехода от общинного владения к личному, - не обязывая их к этому.

**НЕ ЗАБУДЬТЕ
ВОЗОБНОВИТЬ
ВАШУ
ПОДПИСКУ НА
"НАШУ СТРАНУ"
НА 2024 ГОД**